

Свой долгий миг, свой краткий век
живёт на свете человек.
Зачем он здесь и почему —
о том не ведомо ему.
Зато он главное постиг
за краткий век, за долгий миг,
что если встретишь паука,
птенца, лягушку, мотылька,
живое встретишь существо —
не обижай его.

Живые существа

Анастасия Каменская

Анастасия Каменская

Живые существа

Анастасия Каменская

Живые существа

Тверь
Издательство букиниста «Что делать?»
2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5
К-181

Каменская, Анастасия Евгеньевна.

К-181 Живые существа / Анастасия Каменская. — Тверь :
Изд-во букиниста «Что делать?», 2024. — 64 с.

ISBN 978-5-6047247-4-3

Анастасия Каменская (1988) — культуролог, теоретик литературы, художник, куратор выставочных, инклюзивных и экологических проектов. В сборник «Живые существа» вошли стихотворения разных лет, а также стихи, ранее опубликованные в книге «Глобус» (2011). Сборник иллюстрирован рисунками автора.

**УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5**

ISBN 978-5-6047247-4-3

© Каменская А. Е., 2024
© Издание, оформление. Издательство букиниста «Что делать?», 2024

Птенец

Пищит и плачет без конца
испуганный птенец.
А если не кормить птенца —
тогда птенцу конец.

Теперь глядит он из угла,
накормлен и в тепле,
но твёрдо помнит, сколько зла
творится на земле.

Не позабудет никогда
вот это существо,
как вытесняли из гнезда
слабейшего — его.

И хочется ли жить ему —
я даже не пойму.

* * *

То мягкие, то резкие
шаги слышны во мгле.
Там звери ходят редкие —
их мало на Земле.

Их люди в книгу Красную
однажды занесли
как дивную, прекрасную
особенность Земли.

Но звери те не ведают
о статусе своём
и равноправно бегают
с любым другим зверьём.

Но звери те неграмотны
и не читают книг,
и вымрут все, как мамонты,
когда-нибудь. А их
перенесут учёные
из Красной книги — в Чёрную.

* * *

Зверю для счастья немногое надо:
воздух и воля, еда и вода.
Звери не знают ни рая ни ада,
и потому не грешат никогда.

Звери наносят урон урожаю,
но забирают лишь то, что съедят.
Вот почему я зверей уважаю
и не считаю, что звери вредят.

Звери судьбою своею довольны
и ничего не желают менять.
Люди придумали деньги и войны.
Зверю придумок людских не понять.

Все мы умрём. И с мольбою о чуде
будем толпиться у райских дверей —
звери, которые лучше, чем люди,
люди, которые хуже зверей.

Голубь

Познав беду, болезнь и голод,
устав от этого всего,
в квартире нашей умер голубь.
Мы взяли с улицы его.

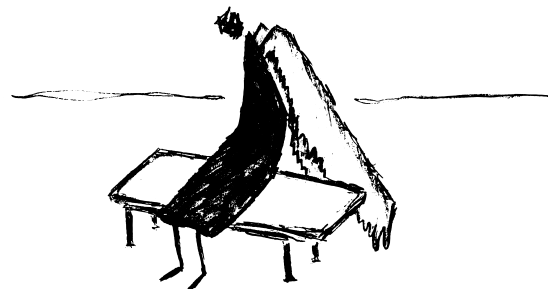
Он погибал среди метели,
не мог лететь, не мог идти,
а мы его спасти хотели,
но не могли уже спасти.

А мы его, как в двери рая,
внесли в квартирное тепло.
О чём он думал, умирая?
О чём вздыхал он тяжело?

Ему вся жизнь казалась адом.
Он был смышлён, как человек,
и всё сверкал прощальным взглядом
из-под смежающихся век.

И в наши сны, в наш мир привычный
с тех пор заглядывал не раз
не человеческий и не птичий,
покорный голубиный глаз.

Последней мукою заполнен,
прозрачен был и жёлт, как мёд.
Быть может, голубь нас запомнил
и на небо потом возьмёт.

* * *

Вот сидит на ветке птица.
Эта птица всех боится.

И собаки, и кота —
всех боится птица та.

Вот слетает с ветки птица.
Далеко ли ей летится?

У неё птенцы в гнезде,
у неё враги везде,
и, наверное, трудней
нету жизни, чем у ней.

Ворона

У меня живёт ворона
с покалеченным крылом.
Птица гордая ворона
на меня глядит орлом.

Узнаю вороны вкусы,
наливаю ей воды,
получая лишь укусы
в благодарность за труды.

Чтоб с вороной подружиться,
чтоб ворона поняла,
я шепчу: «Что делать, птица,
обойдёмся без крыла!»

Пусть кусается ворона —
это самооборона
той, что много лет жила
среди опасностей и зла.

Живые существа

Пока июль, пока тепло
и птицы свищут звонко,
поставить надо на крыло
убогого стрижонка,
который выпал из гнезда
и ползал под ногами,
который голоден всегда —
и днями, и ночами.

Он худ как маленький Кашей,
но смирный и опрятный.
Не ест ни каш, ни овощей
стриж насекомоядный.
За человеком по пятам
он ползает на брюхе.
Есть банка на окне, и там
жуки, букашки, мухи.

Стрекочут, ползают, жужжат
и тянут вверх усища...
Но для прожорливых стрижат
они — всего лишь пища.

А человек не спит в дому
от мыслей незнакомых,
что в равной мере жаль ему
птенцов и насекомых.

Соединив добра и зла
упрямые крупницы,
его природа призвала
помочь случайной птице,
попутно одарив его
жестокими правами —
кормить живое существо
живыми существами.

Коту Ричарду

Людей лаская, людям веря,
хвостатые и шерстяные,
живут бок о бок с нами звери,
как будто ангелы земные.

Чтоб мы вовек не тосковали
под колпаком родного крова,
о нас пекутся Божьи твари:
свинья, и лошадь, и корова.

Великодушны к людям глупым,
они тепло и мощь дают нам.
И потому нам в мире грубом
живётся, как в доме уютном.

Друзья внимательные эти
друзей не бросят в час ужасный.
Да, есть животные на свете...
Не то что ты, подлец ушастый!

* * *

Иные звери скачут прытко.
Иные — движутся достойно.
А птицы — выкидыши рая —
летят и гадают на лету.
Но приглядишь: ползёт улитка,
философически спокойна.
Ползёт улитка, презирая
общеземную суету.

Неповторимая меж всеми,
ползёт умно и осторожно,
чтоб не память, не изувечить
хозяйство хилое своё!
Как призрак, победивший время.
Посмотришь — и подумать можно:
калачиком свернулась вечность
в спиральном домике её.

* * *

Бог мудрил, мудрил, мудрил.
Бог и сам не понял, как
гадость эту сотворил:
перед Ним лежит слизняк.

И, склонясь над слизняком,
призадумался Господь:
«Это мерзкой слизи ком
или мыслящая плоть?»

Это он или она?
И какой же цели для
мирозданию нужна
бесхребетная сопля?

Много дивного всего
существует на земле.
Только в мире каково
будет сей чудной сопле?»

И казалось, что за блажь!
Оторви соплю да брось!
По земле её размажь,
утопи иль заморозь!

Только Господу сопля
отчего-то дорога.
Надвое соплю деля,
Он сопле слепил рога.

Чтобы никакой вандал
обижать соплю не мог,
Бог ей дом спиральный дал —
в общем, много чем помог.

«Фу-у! Ну, вроде всё теперь.
Будь отрадой старику!
И тебя, сопливый зверь,
я улиткой нареку!»

* * *

У парнишки мечта:
завести бы кота.
Ради зверя на всё он готов.
Завести бы и вот
всем котам был бы кот.
Первый кот среди равных котов.

Но в семье все подряд
пареньку говорят:
«От кота лишь разруха в дому!
От кота — шерсть! и смрад!
Сам же будешь не рад!
И еды нужно много ему!»

Но парнишка упрям.
Всё канючит: «Ну, мам!
Нам уютнее будет с котом!
В каждом доме коты!
Почему только ты
даже слышать не хочешь о том?»

Мать серчает в ответ,
мол, в котах толку нет,
только могут вертеться у ног.

И не в силах понять,
повторяет опять:
«Ну, куда тебе кошка, сынок?»

Он-то знает, куда.
Чтобы рядом всегда
был разумный и ласковый друг.
Чтоб урчал. И ещё
кот подставит плечо,
если горе обрушится вдруг.

Чтоб не сбиться с пути,
чтоб однажды сплести
понимания чуткую нить,
чтобы жить на земле
во взаимном тепле.
Только как это всё объяснить?

* * *

Зачем они утром от пса уезжают,
в квартире его одного закрывая?
Зачем они доброго пса унижают,
намордник на морду ему надевая?

Какую еду они псу оставляют?
И что говорят, равнодушно лаская?
Зачем они душу ему растрavляют,
порою побегать его отпуская?

Зачем они все существуют на свете?
И всё у них есть. И всего им хватает.
Надёжные, дружные наши соседи —
милейшие люди, как мама считает.

* * *

Собака знает, что она — собака.
Ей скажешь: «Эй, собака!» — и она
с готовностью кивает: «Я собака!»
Не то что кот, чьё дело сторона.

Она живёт старательной и строгой,
пасёт отару, караулит дом,
следит за огородом и дорогой,
виляет жизнерадостным хвостом.

Она живёт с людьми, очеловечась,
чтоб каждую минуту день-деньской
делить свою коротенькую вечность
с довольно длинной вечностью людской.

Она живёт, не ведая однако,
того, что люди знают наперёд, —
что в доме будет новая собака,
старательная новая собака,
когда собака старая умрёт.

* * *

Святой Франциск был тощ как хвощ,
он жил то тут то там.
Святой Франциск был тих, как дождь,
шуршащий по листьям.

И щедр как лес, что всем вокруг
чертоги распростёр,
как старший брат, как лучший друг,
как зооволонтёр.

Горяч как внутренность Земли
и чист, и потому
животные и птицы шли,
с огромным интересом шли,
и шли, и шли, и шли, и шли
на проповедь к нему.

Слетались галки с дальних крыш,
скворцы бежали вскачь.
И самый добрый слушал — стриж.
И самый умный — грач.

* * *

В лесу поганки. От поганок —
страдания одни!
Пойдём-ка из лесу, пока нам
не встретились они.

Поганки!.. Кто же их исправит?
В поганках дремлет бес!
Поганки бесятся и травят
спокойный древний лес.

Их надобно остерегаться.
Кручинится лесник:
«В лесу поганки и поганцы
устроили пикник!»

* * *

Мы свинствуем и свинское плодим.
Мы возимся в грязи, но временами
мы поднимаем рыла и глядим
на бисер звёзд, рассыпанный пред нами.

И, головы задрав, стоим в ночи,
надеясь, будто в мире не одни мы.
И падают надменные лучи
на бисер глаз, мерцающий под ними.

* * *

В трамвайном лязге, в шуме городском,
размеренно идя со всеми вместе,
вдруг встанешь и забудешься — в каком
ты времени находишься и месте?

Родимые дворы и пустыри...
Ты маленький... Все дома... Мать живая...
Была. — И содрогнётся всё внутри,
как от прогрохотавшего трамвая.

* * *

Тогда мне думалось, что я
не справлюсь никогда с тоской,
что в мясорубке бытия
надежды выжить никакой,
что мы нечутки и глухи,
что каждый во сто шуб одет:
в нас много всякой шелухи,
а сердцевины вовсе нет,
что в мире трудно уцелеть —
любого подомнёт среда,
что мне уже тринадцать лет,
и, может, в этом вся беда.

* * *

Он собираться мне мешал,
а я грозил ему:
«Сейчас как врежу по ушам,
гостинцы отниму!»

Он лез с расспросами ко мне,
всё разузнать хотел.
Он в пряжку на моем ремне,
как в зеркало, глядел.

Упрашивал: «Возьми с собой!»
А я в ответ ему:
«Ещё чего! Возни с тобой!
Не думай, не возьму!»

Со мною шёл вприпрыжку он —
на поезд провожал.
Пока не кончился перрон,
за поездом бежал.

В ночном вагоне всё мертво.
Пускай приснится мне
мой брат, который ничего
не знает о войне.

* * *

Оловянный солдатик усталые плечи расправит.
Оловянному сердцу не страшно почти ничего.
Разве только одно: что придёт человек и расплавит
оловянное тело и пустит на ложки его.

Верой-правдою служит. Не трус, не подлец, не предатель.
Оловянное сердце не ведаёт гнева и зла.
Но грустит по ночам на посту оловянный солдатик,
одиноким солдатик, который боится тепла.

* * *

Ребёнок плачет за стеной.
А за другой — хрипит больной.
Соседи ходят надо мной,
а также — подо мной.
Таков тревожный, тесный мир,
который мы — жильцы квартир —
зовём ночью тишиной,
не зная тишины иной.

* * *

Я размышляю об одних
воспоминаниях. О них
нельзя мне думать. И нельзя
о них не думать. В этом вся
ирония. В недобрый час
в душе у каждого из нас
немало сыщется таких
воспоминаний. Как бы их
забыть, оставить за окном?
Каким бы их залить вином?
Они, как облики войны,
неповторимы и страшны.
Они хранятся под замком.
Они всегда особняком
стоят среди любых других,
весёлых, горьких, дорогих —
как смерти собственных детей
среди любых других смертей.

* * *

Что бы мы ни говорили —
нас другой поймёт едва.
Что бы мы ни говорили —
это всё слова, слова...
Прозвучавшие впервые,
извлечённые из книг...
Даже самые живые,
даже лучшие из них
не спасают, не решают
ничего, в конце концов,
но как будто воскрешают
дорогих нам мертвецов,
но как будто обещают
утопический уют
мира, где врагов прощают
и друзей не предают.

* * *

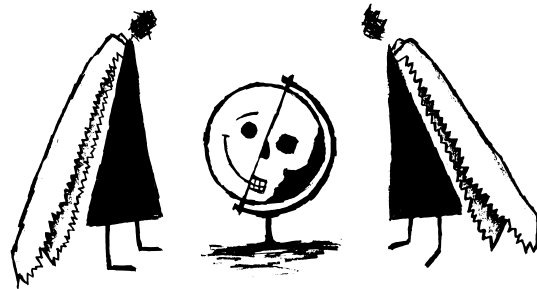
У поэта были строчки.
Вдруг не стало ни одной.
У поэта нынче ночью
выходной.

У поэта мыслей много,
и звезда горит в окне.
У поэта вся тревога
обо мне.

Книги старые листая,
знай по комнате ходи.
У поэта ночь пустая
впереди.

И мерещится поэту,
и поёт ему звезда,
что однажды я приеду
и останусь навсегда.

Глобус

О «Глобусе»

«Глобус» — так называлась моя первая книга стихов. Она увидела свет в 2011 году. Тираж был маленький, всего сто экземпляров. Книжка быстро разошлась, но читатели продолжали спрашивать, не осталось ли у меня экземплярика. И до их пор многие люди, знакомые и незнакомые, просят меня переиздать книжку. Поэтому, когда мы начали готовить сборник «Живые существа», мы решили включить в него и «Глобус», целиком, потому что имеет смысл читать и воспринимать его именно в целости, как книгу стихотворений, а не как набор отдельных текстов.

* * *

«Мироздание — штука простая, —
бормотал за работой Творец, —
пустота, пустотой обрстая,
превращается в мир, наконец».

Завершая бессмысленный опус,
Он воскликнул: «А ну-ка взгляну!»
Ах, какой замечательный глобус
в натуральную величину!

* * *

Что если мир, где мы живём,
захочет слопать нас живьём?

Что если он в какой-то час
захочет уничтожить нас?

Возьмёт и выжжет нас огнём.
А мы? Что знаем мы о нём?

Пока о мире говорим,
мы все в огне дотла сгорим.

Хочу понять, но не пойму,
как противостоять ему.

Он посмеётся, чёрт возьми,
над всемогущими людьми!

* * *

Мир очень хрупок и тонок.
Не доверяй его мне.
Жмётся глазастый котёнок
к серой бетонной стене.

Горький сквозняк захолустья.
Неизлечимая грусть.
Кем послезавтра проснусь я?
Если, конечно, проснусь...

* * *

Года идут привычным чередом...
Но что-то вдруг проснётся в человеке —
и человек спешит в далёкий дом,
казалось бы, покинутый навеки.

Забывтый мир прошепчет: «Приходи,
я так давно не виделся с тобою».
Забывтый мир пульсирует в груди
невыразимой нежностью и болью.

И вот я здесь. И ясно мне теперь,
что сердце — это старый дом, в котором
бесчисленные отзвуки потерь
разносятся по гулким коридорам.

* * *

Себя утешаю мечтами и снами,
в которых ни боли, ни скорби, ни тьмы.
Я знаю, не всё завершилось меж нами.
Я знаю, однажды увидимся мы.

Тебе не сбежать с этой тесной планеты,
не выиграть в споре с упрямой судьбой,
а значит, опять повстречаешься мне ты,
а значит, опять мы столкнёмся с тобой.

Но как я найду подходящее слово
и вспять обращу наших судеб разбег,
когда мы однажды увидимся снова —
с чужим человеком чужой человек?

* * *

Люди пьют и едят. Люди рушат и строят.
Люди злобны. Им сердца не жаль твоего.
Так что можешь идти. Твой уход не расстроит
никого.

Люди ищут людей на огромной планете,
словно травы, сплетаются в тесный венок.
Люди вместе с людьми. Только ты в целом свете
одинок.

* * *

Зимний вечер. Метель. Запоздалый прохожий
как песчинка в тугих жерновах бытия.
Он как будто со мной абсолютно не схожий,
откровенно не вышедший кожей и рожей,
а присмотришься — точно такой же, как я.

Те же семьи, приятели, бывшие жёны,
тот же тускло и ровно мерцающий снег...
В непроглядную тьму он глядит напряжённо,
этот сумрачный филин в дупле капюшона,
одинокый — такой же, как я — человек.

* * *

Бог есть любовь. А если Бога нет?
То нет любви. Но отчего же снова
мне видится сияние планет
сквозь тяжкий полог сумрака земного?

Бог есть любовь. А если нет Его,
кто даровал мне крылья за спиною?
И как зовётся это волшебство,
тебя соединившее со мною?

* * *

Он мыслит серьёзно и грустно.
Он тшится понять, почему
событий обычное русло
людей не ведёт ни к чему.

Он где-то ошибся в начале.
Чего-то не смог. Оттого
весь мир состоит из печали.
Бездонной печали Его.

* * *

«Серафимы, херувимы,
ангелы, архангелы...» —
величаво и сурово
молвит богослов.
«Серафимы, херувимы,
ангелы, архангелы...
Там, в начале было Слово.
Нынче — много слов.

Утром ходят по планете
ангелы, архангелы...
И смеются, торжествуя,
что разбита тьма.
Ох, и симпатяги эти
ангелы, архангелы...»
Словно видел их вживую
Аквинат Фома.

* * *

Как бомбы в небе Хиросимы,
на глупых и беспечных нас,
уже несутся серафимы.
И будут здесь в урочный час.

Кому грозят они свирепо?
За нами никакой вины.
Но ширится ночное небо.
И в небе ангелы видны.

Свои космические вёрсты
они мгновенно пролетят.
А люди думают — там звёзды.
А люди думать не хотят.

* * *

Просидишь до самого утра
и в себе заблудишься, как в чаще.
Вот уже кричат: «Вставать пора!»
Умываться, завтракать пора.
И глядеть, как чёрная дыра
грозно плещется в кофейной чашке.

Думаешь: космическая мгла.
Каково там? Лучше или хуже?
Где-то там шатаются тела,
слабые небесные тела,
отроду не знавшие тепла...
...да людей потерянные души.

* * *

Два трепетных сердца внимали Шопену.
Два трепетных сердца шептали своё.
А море всё ткало ажурную пену...
А море всё ткало волшебную пену...
И вдруг о скалу разрывало её.

Две тени метались средь грозного шквала.
Две хрупких фигуры в пространстве чужом.
А в море волна за волною вставала.
И брызги летели. И море плевало
на этих двоих — королеву с пажом.

* * *

Вот жил человек. Он о чём-то писал.
Над словом задумавшись, темя чесал.

Не знал человек, что у прочих людей
ни слов, ни стараний, ни чувств, ни идей.

Вот жил он и умер, не зная того,
что кто-то появится после него.

Исправно бумаги его разберёт,
где чистых тетрадей — на годы вперёд.

А кто-то другой через год, через век,
подумав, напишет: «Вот жил человек...»

* * *

Библиотека. Полутьма.
Фонарь качается в руке.
На полках пыльные тома
стоят, как тёплые дома
в забытом Богом городке.

И процветает мир словес.
И город не остыл пока.
Но снег уже летит с небес,
как штукатурка с потолка.

Семейный портрет

Одной судьбою соединены,
они в глаза мне смотрят со стены.

Им кажется, что жизнь ещё в начале,
что их минуют беды и печали,
что им во всём однажды повезёт.
Бодры, щедры и крепко спят ночами,
не замечая, что за их плечами
уже змеёю трещина ползёт.

* * *

Они сидят, как братья, схожи.
Сияют нимбами седыми
и день за днём ведут рассказ.
Они твердят одно и то же
про то, как были молодыми
ещё вчера, а вот сейчас

внезапно стали стариками,
что чинно доедают крошки
своих несовременных дней.
И непослушными руками
берут еду из общей плошки.
Из общей памяти своей.

* * *

Нет в холодной землянке огня.
И напрасно землянин пред ней
на дыбы поднимает коня,
похваляясь отвагой своей.

Всё впустую: мундир и седло,
серенады, цветы, соловьи,
ведь холодной землянке тепло
без его негасимой любви.

А землянин горяч и румян.
А в землянке ни искорки нет.
...Безучастно глядят на землян
небожители прочих планет...

* * *

Здесь мельтешат имена и портреты,
ленты, ограды, надгробные камни.
Дети, дельцы, подлецы и поэты —
все они стали теперь земляками.
Всех уравнила сырая земляца.
Здесь на живого глядят человека
зеленоватые скорбные лица,
словно святые с полотен Эль Греко.

* * *

Мне жаль, что я не чувствую добра,
что вместо сердца у меня дыра,
что ты захочешь участи иной,
чем бесконечно мучаться со мной,
что я не вспомню о твоём тепле,
когда тебя не станет на земле,
и что тогда, в грядущей тишине,
я даже не пойму, как больно мне.

* * *

Видишь зеркало?
Это зеркало
целый мир вокруг
исковеркало.

Всё в нём скверное,
всё неверное,
вероломное
суеверное.

Встреча с гоблином,
злбно сторбленным,
ото всех вокруг
обособленным.

Богу — богово.
Зверю — логово.
Пожалей меня,
одинокого.

* * *

Подкатила к раскрытым дверям труповозка.
Потащили к ней тело из тёплого воска.

И провисло под ним до земли покрывало.
Вот и бабушки словно совсем не бывало.

Только сонная лампа горит, освещая
комнатёнку с ненужными больше вещами.

Только кружатся ангелы белой метелью
над пустой, но ещё не остывшей постелью.

* * *

Холодные звёзды мерцают устало.
А я всё терзаюсь, как зверь взаперти.
Всё чудится: холодно бабушке стало
и надо ей грелку скорее нести.

Всё чудится: бабушка там, за стеною,
впадает в мучительное забытьё,
и ангел, который обычно со мною,
сегодня приставлен к постели её.

Но ангел витает под куполом звёздным
беспечной кометой в космической мгле.
А где-то беспомощно бабушка мёрзнет
в холодной, как небо, могильной земле.

* * *

С визгом собачка дверного замка
в палец вцепилась ему.
Он понимает наверняка,
как это — быть одному.

Хвалят, хулят, ну а разницы нет
между хвалой и хулой.
Утром из дома выходит поэт.
Трезвый, голодный и злой.

* * *

Я просыпаюсь в шесть утра.
На службу мне пора.
Сегодня то же, что вчера,
и завтра — что вчера.

Я изнываю от забот,
торчу на сквозняках.
И бесконечный день идёт,
не кончится никак.

Часов однообразный ход.
Бессмыслица и мрак.
Земную жизнь за годом год
мы проживаем так.

Земная жизнь и без того
досадно коротка,
а мы — мы все до одного
застряли в дне сурка.

* * *

Существовать мы перестанем
в определённый день и час.
И станет мир необитаем,
ведь мир останется без нас.

И лишь небытие рассудит
все споры о добре и зле,
когда Земли у нас не будет,
а нас не будет на Земле.

И не чета земным потёмкам
величие межзвёздной тьмы,
несуществующим потомкам —
несуществующие мы.

* * *

Сквозь дождевую череду,
стирая копоть лет с лица,
я всё иду, иду, иду
на замыкание кольца.

Терявшийся в чужих мирах,
в конце концов, мой путь прямой:
я прах и возвращаюсь в прах.
Я тороплюсь домой.

* * *

Как послегрозовые комары,
роились острова, архипелаги,
и, возникая, рушились миры
в углах до дыр исписанной бумаги,
вселенная, сгоревшая дотла,
рождалась вновь, огромная, немая...

И я отодвигалась от стола,
сама себя почти не понимая.

Содержание

Птенец («Пищит и плачет без конца...»)	3
«То мягкие, то резкие...»	4
«Зверю для счастья немного надо...»	5
Голубь («Познав беду, болезнь и голод...»)	6
«Вот сидит на ветке птица...»	8
Ворона («У меня живёт ворона...»)	9
Живые существа («Пока июль, пока тепло...»)	10
Коту Ричарду («Людей лаская, людям веря...»)	12
«Иные звери скачут прытко...»	13
«Бог мудрил, мудрил, мудрил...»	14
«У парнишки мечта...»	16
«Зачем они утром от пса уезжают...»	18
«Собака знает, что она — собака...»	19
«Святой Франциск был тощ как хвощ...»	20
«В лесу поганки. От поганок...»	21
«Мы свинствуем и свинское плодим...»	22
«В трамвайном лязге, в шуме городском...»	23
«Тогда мне думалось, что я...»	24
«Он собираться мне мешал...»	25
«Оловянный солдатик усталые плечи расправит...»	26
«Ребёнок плачет за стеной...»	27
«Я размышляю об одних...»	28
«Что бы мы ни говорили...»	29
«У поэта были строчки...»	30

Глобус

«Мироздание — штука простая...»	33
«Что если мир, где мы живём...»	34
«Мир очень хрупок и тонок...»	35
«Года идут привычным чередом...»	36
«Себя утешаю мечтами и снами...»	37
«Люди пьют и едят. Люди рушат и строят...»	38
«Зимний вечер. Метель. Запоздалый прохожий...»	39
«Бог есть любовь. А если Бога нет?...»	40
«Он мыслит серьёзно и грустно...»	41
«Серафимы, херувимы...»	42
«Как бомбы в небе Хиросимы...»	43
«Просидишь до самого утра...»	44
«Два трепетных сердца внимали Шопену...»	45
«Вот жил человек. Он о чём-то писал...»	46
«Библиотека. Полутьма...»	47
Семейный портрет («Одной судьбою соединены...»)	48
«Они сидят, как братья, схожи...»	49
«Нет в холодной землянке огня...»	50
«Здесь мельтешат имена и портреты...»	51
«Мне жаль, что я не чувствую добра...»	52
«Видишь зеркало?...»	53
«Подкатила к раскрытым дверям труповозка...»	54
«Холодные звёзды мерцают устало...»	55
«С визгом собачка дверного замка...»	56
«Я просыпаюсь в шесть утра...»	57
«Существовать мы перестанем...»	58
«Сквозь дождевую череду...»	59
«Как послегрозовые комары...»	60

Литературно-художественное издание

Анастасия Евгеньевна Каменская

ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА

Издатель *Михаил Архиреев*

Редактор *Игорь Васильев*

Верстка *Галя Жаринова*

Издательство букиниста «Что делать?»

+7 (905) 606-38-70

whatistobedone.ru

@whatistobedonetver

Подписано в печать 14.02.2024.

Формат 70×100/32.

Тираж 500 экз. Заказ № 1656.

Отпечатано в ООО «Тверская фабрика печати»

170006, г. Тверь, Беляковский пер., д. 46

+7 (4822) 35-32-13, +7 (495) 255-33-12

info@t-f-p.ru

ISBN 978-5-6047247-4-3

9 785604 724743